

5 1 ИЮН 1948

В Пензенской школе имени В. Г. Белинского, которую я окончил в 1929 году, в некоторых группах преподавал литературу и русский язык Владимир Ефимович Леонов. Уроки его всегда были для нас, учеников, настоящим праздником. Каждый раз он сообщал что-то новое о жизни писателя, произведение которого мы «проходили», рассказывал о новинках.

Отчетливо помню, как на одном из уроков в шестом классе Леонов, войдя в комнату и заняв место за кафедрой, вынул из папки книгу в зеленоватой обложке и сказал:

— Это, друзья, журнал «Красная новь». Преинтереснейшую вещь, скажу вам, начали в нем печатать. Называется «Цемент». Это роман о рабочем классе наших дней. Автор Федор Васильевич Гладков. Как видно, человек он талантливый. Уверен, что имя его в ближайшем же будущем станет широко известно. Даю вам этот журнал ненадолго. Потом скажете свое мнение.

Старый учитель не ошибся. Имя Федора Васильевича Гладкова навсегда вошло в советскую литературу. Его книги не залеживаются на полках.

В мае 1941 года, будучи корреспондентом областной газеты, я находился в длительной командировке в Чембаре (теперь город Белинский). Однажды вечером мне позвонил редактор нашей газеты Н. И. Страхов и сказал:

— Постарайся завтра приехать в Пензу. Будет встреча с Федором Васильевичем Гладковым.

Попасть на эту встречу мне не удалось: нелегко было добираться из Чембара в Пензу из-за бездорожья. Приехал через день, и сразу отправился в Дом пионеров, где выступали Федор Васильевич и приехавшие с ним писатели.

В большом зале на сцене стоял невысокого роста человек с лицом истинно русским. Глаз его не было видно, их прикрывали очки с толстыми стеклами.

Федор Васильевич говорил негромко, но каждое его слово было хорошо слышно. Люди проявили повышенный интерес к рассказу земляка. А говорил он о том, например, что трудиться должен каждый, что наше общество является обществом тружеников. И на примере героев своих книг он показал, как должны советские люди трудиться.

Когда вечер закончился, я подошел к небольшой группе сотрудников нашей газеты, в центре которой находился Федор Васильевич. Кто-то из товарищей представил меня Гладкову:

— А, так это вы недавно были в моей родной Чернавке, — сказал писатель. — Ну, рассказывайте, рассказывайте, что там увидели.

М. НЕЧАЕВ

ВСТРЕЧИ

Слово о писателе

Я рассказал, что люди там живут хорошо, работают дружно.

— А урожай, урожай, как по-вашему, высокий будет? — интересовался Федор Васильевич.

Я ответил, что, как предполагают агрономы, хлеба должно быть много. Главное — быстро убрать его.

Гладков пригласил меня, если буду в Москве, навестить его.

Могли ли мы в тот тихий и теплый майский вечер знать, что чуть побольше месяца отделяет нас от вероломного нападения фашистских орд на нашу землю, что война надолго разлучит нас, что встречу Федора Васильевича вторично только через семь лет и опять в Пензе, а не в Москве. И он сам, конечно, не знал, что вынужден будет на какое-то время покинуть свой Лаврушинский переулок и провести немало дней в Пензе.

...Третья встреча с Федором Васильевичем Гладковым состоялась в июне 1948 года. Пенза принимала большую группу гостей из Москвы и других городов. Их возглавлял Александр Фадеев. В числе приехавших был и Федор Гладков.

Во второй половине дня 13 июня на площади перед театром состоялся большой митинг, посвященный столетию со дня смерти В. Г. Белинского. Много теплых слов сказали о нашем великом земляке А. А. Фадеев, другие ораторы. Затем был открыт обелиск, обозначивший место, где впоследствии будет установлен памятник замечательному сыну России.

Пока шел митинг, Федор Васильевич стоял в сторонке, беседуя о чем-то с Петром Ивановичем Замойским. Я подошел к ним.

— А-а, тот самый корреспондент, который так и не побывал у меня, хотя и был приглашен, — сказал Гладков, протягивая небольшую, но крепкую руку. — Бывали ведь в Москве после войны? Знаете, сколько бы радости доставили мне рассказом о родных краях!

Признаюсь, меня поразила память, которой обладал этот уже пожилой человек. Я не сказал ему, что дважды заходил в Лаврушинский, но хозяина не было дома.

Утром 14 июня кортеж машин выехал в город Белинский. По дороге была остановка в селе Лермонтове. Осмотрев усадьбу, гости пешком отправились к склепу, где нашел последнее пристанище Михаил Юрьевич Лермонтов. Я стоял у входа, когда увидел, что медленно-медленно, тяжело ступая, поднимался из подземелья Федор Васильевич. Как и другие посетители, он остановился у оконной ниши, где на подоконнике лежала книга отзывов. Народу было много. Кто-то пригласил Гладкова пройти вперед. Он отказался, односложно ответил:

— Подожду.

Достав из кармана серого летнего пальто платок, писатель то и дело вытирал им пот, обильно струившийся по лицу. Нет, жарко не было. Просто он был очень взволнован.

Когда подошла очередь Федора Васильевича, он взял простую ученическую ручку, лежавшую на окне, поднес ее близко к глазам, снял пушинку, прилипшую к перу, обмахнул его в чернильницу и задумался. Потом пододвинул к себе книгу и начал писать.

Я переписал в свой блокнот запись, сделанную Федором Васильевичем. Вот она:

«Лермонтов — первый, кто потряс меня на всю жизнь и остается навсегда любимым поэтом. Я мечтал увидеть Тарханы, дом, где он жил в раннюю пору своей жизни. Понятно мое волнение, когда я увидел эти места. Эти дорогие минуты я не забуду до гроба. Кажется, что почувствовал живого, трепетного, с огненной душой Михаила Юрьевича. Он — бессмертен».

Выйдя из склепа, Гладков шел медленно, так и не надевая шляпы. Чувствовалось, что этот человек, много видевший и много испытавший в своей жизни, создавший изумительные по силе романы о рабочем классе, буквально потрясен свиданием с лермонтовскими местами. Два года спустя, читая гладковскую «Повесть о детстве», я подумал, что, наверное, многое в этой повести, своеобразной поэме в прозе, навеяно посещением Тархан.